
Поездка М.Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.)

Юрий Курдин, Александр Панов, Александр Ширинянц

**M.G. Chernyaev after the Serbian-Turkish war
(late 1876 – early 1877)**

Yuri Kurdin, Aleksandr Panov

*(both – State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Russia),
Aleksandr Shirinyants (Lomonosov Moscow State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050090, EDN: KLDTKE

Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) в 1860–1870-х гг. пользовался репутацией популярного полководца. Он начал свой боевой путь на Дунае и в Севастополе во время Восточной войны 1853–1856 гг. и прославился летом 1865 г. после того, как с минимальными жертвами сумел захватить Ташкент и обеспечить включение в состав Российской империи обширных земель Средней Азии. «Ташкентский лев», как тогда прозвали Черняева, был назначен первым военным губернатором Туркестанского края. Однако, несмотря на бесспорные военные дарования и любовь солдат, чрезмерная самостоятельность генерала вызывала недовольство в Петербурге. В 38 лет ему пришлось выйти в отставку и заняться публицистикой, склонность к которой он проявлял до конца жизни¹. На этом поприще Черняев сблизился со славянофилами, а в конце 1873 г. приобрёл права на выпуск ежедневной газеты «Русский мир»². Появлявшиеся в ней статьи часто имели оппозиционный характер, в них критиковалась внутренняя и внешняя политика правительства и особенно – деятельность военного министерства. И хотя Михаил Григорьевич нередко ошибался в своих оценках и прогнозах, его честность и принципиальность не вызывали сомнений.

© 2022 г. Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.А. Ширинянц

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

¹ См., в частности, его поздние публикации: *Черняев М.Г.* Султаны Кенисара и Садык // *Русский вестник*. Т. 203. 1889. № 8. С. 27–39; *Черняев М.Г.* Наше военное воспитание // *Русский вестник*. Т. 201. 1889. № 4. С. 244–256; Т. 206. 1890. № 1. С. 35–54; Т. 212. 1891. № 2. С. 76–111; Т. 213. 1891. № 4. С. 105–147; и др.

² Подробнее об этом издании см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 129–141. Другим активным публицистом «Русского мира» стал генерал-майор Р.А. Фадеев, также ратовавший за активизацию внешней политики России и выступавший против милотинских реформ в армии. О нём подробнее см.: *Лебедев С.В., Линицкая Т.В.* Русский геополитик XIX века Ростислав Фадеев // *Геополитика и безопасность*. 2010. № 1(9). С. 29–34; *Сулима Е.Н., Шепелев М.А.* Геополитические идеи Ростислава Фадеева // *Вестник Московского университета*. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2016. № 4. С. 56–66.

В историографии о Черняеве обычно лишь бегло упоминали, в основном в связи с боевыми действиями в Средней Азии и Сербии³. Крупнейшее исследование, посвящённое ему, было написано Д. Маккензи, использовавшим разнообразные источники, в том числе документы из советских и югославских архивов⁴. Подробно проследив жизненный путь Черняева, американский историк дал генералу весьма нелестную характеристику, отметив его некомпетентность, хвастливость, неразборчивость в средствах и т.п.⁵ Тем не менее в последнее время интерес к фигуре Михаила Григорьевича постепенно растёт⁶.

В начале Восточного кризиса 1875–1878 гг. Черняев, действуя на свой страх и риск, фактически нелегально покинул Россию, чтобы возглавить сербскую армию, и в 1876 г. его имя стало символом единства славянских народов. Несмотря на отсутствие официальной поддержки российского правительства, он пользовался огромной популярностью, а поток пожертвований и добровольцев, отправившихся в Сербию⁷, наглядно свидетельствовал о силе панславистских настроений в русском обществе⁸. Правда, война с султаном сложилась для Бел-

---

³ Долгое время память о нём сохранялась благодаря его детям и прежде всего Антонине Михайловне Черняевой, подготовившей в начале XX в. серию публикаций в «Русском архиве» и выпустившей под псевдонимом книгу: *Михайлов А.* Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906 (*Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 514).

⁴ *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev. Athens (Georgia), 1974.

⁵ Неудивительно, что рецензенты указывали на предвзятость Маккензи: *Williams D.S.M.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev by David MacKenzie // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 53. 1975. № 132. P. 435; *Rainey T.B.* The Lion of Tashkent: The Career of General M.G. Cherniaev by David Mackenzie // *The American Historical Review*. Vol. 81. 1976. № 1. P. 187.

⁶ *Шемякин А.Л.* Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 2. М., 2006. С. 199–217; *Шемякин А.Л.* Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // *Токови историје*. 2006. Бр. 1–2. С. 7–28; *Шемякин А.Л.* М.Г. Черняев и Сербия // *Величие и язык Российской империи. Международный исторический сборник*. М., 2012. С. 187–200; *Шемякин А.Л.* Генерал «от коммерции». М.Г. Черняев в Сербии в 1879–1881 гг. // *Токови историје*. 2012. Бр. 3. С. 361–378; *Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. История России*. 2014. № 1. С. 114; *Брежнева С.Н.* «Ташкентский лев» генерал М.Г. Черняев // *Личность в истории в эпоху Нового и Новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова)*. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 217; *Кочуков С.А.* Михаил Григорьевич Черняев // *Проблемы истории российской цивилизации. Сборник научных трудов*. Саратов, 2009. С. 149–156; *Кочуков С.А.* Русский Гарибальди (русский военный деятель Михаил Григорьевич Черняев) // *Чтения по военной истории*. СПб., 2011. С. 131–136; *Червинская О.* Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г. Черняева в рецепции Ф.М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя») // *Исторична панорама*. Вып. 10. Чернівці, 2010. С. 41–66; *Сергеевкова В.В.* Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева // *Российские и славянские исследования*. Вып. VIII. Минск, 2013. С. 304–308.

⁷ Подробнее см.: *Кузьмичёва Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // *Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в.* М., 1981. С. 77–98; *Окороков А.В.* Русские добровольцы. М., 2007. С. 32–44; *Кочуков С.А.* К вопросу об отношении русского общества к Балканскому кризису 1876 г. // *Общественная мысль, движения и партии в России XIX – начала XX вв.* Ч. 1. Брянск, 2008. С. 37–43; *Кочуков С.А.* Русские добровольцы на Балканах в 1876 г. // *Проблемы истории российской цивилизации*. Вып. 4. Саратов, 2009. С. 10–15.

⁸ О русском панславизме см.: *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М., 2018; *Мырикова А.В., Шириняни А.А.* Введение к исследованию истории и идео-

града неудачно: армия была разбита, и лишь дипломатическое вмешательство России спасло сербов от катастрофы.

После заключения перемирия в ноябре 1876 г. положение Черняева оказалось довольно сложным. В Петербурге не желали эскалации конфликта с Турцией и не одобряли самовольной деятельности генерала, считая её авантюрой. К тому же, выехав на Балканы, он не только спутал карты российским дипломатам, но и нарушил слово, данное императору. В «Автобиографии» Михаил Григорьевич пытался оправдать себя тем, что обещал не ездить к герцеговинцам, восставшим против турок, тогда как о сербах речи не шло⁹. Тем не менее просьбу Черняева об аудиенции Александр II решительно отклонил. Как отметил в дневнике Д.А. Милютин, «ему был дан ответ, что не только не разрешается, но и воспрещается возвращение в Россию». По словам военного министра, «в глазах государя Черняев поступил и бесчестно, и противозаконно: бесчестно — потому, что обещал... исполнить волю государя, запретившего ему ехать на театр войны; противозаконно — потому, что без разрешения оставил подданство русское и вступил в службу иностранного государства. По русским законам Черняев подлежал бы суду и уголовному наказанию»¹⁰. 17 ноября генерал вновь обратился к царю, уверяя его: «Моя скромная задача состоит в том, чтобы удерживать напор мусульманских сил на страну, вверившую мне свою защиту, пока не раздастся Твоё царственное слово»¹¹. Однако стоявшая под посланием подпись — «верноподданный слуга» вызвала у Александра II ехидное замечание: «Чей верноподданный слуга? Короля Сербии?»¹². По свидетельству А.М. Черняевой, позднее «русское правительство вызвало М.Г. Черняева в Кишинёв с целью возложить на него поручение к правительству Сербии, содержание которого он не одобрил и поэтому решительно от себя отклонил»¹³. В начале декабря Александр II уже готов был простить Михаила Григорьевича и дать ему должность в Действующей армии, но эта идея встретила решительное противодействие канцлера кн. А.М. Горчакова¹⁴.

Между тем в ноябре 1876 г. в Сербию был послан генерал-лейтенант А.П. Никитин, которому в Петербурге предоставили значительные финансовые средства и поручили наблюдать за боевой подготовкой сербских войск. Теперь уже и сербским правительством, ориентировавшимся на позицию Александра II, Черняев явно воспринимался как *persona non grata*. В России после поражения сербов и возвращения добровольцев на него посыпались многочисленные обвинения в плохой организации снабжения войск, в ошибках при военном планировании и распушенности офицеров его штаба¹⁵. Даже председатель Московского славянского комитета И.С. Аксаков, всеми силами старавшийся приободрить своего соратника, 4 января 1877 г. откровенно признавался в письме: «Не могу иначе, как с грустным и тяжёлым чувством смотреть на

логии панславизма XIX века. М., 2010; Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018; и др.

⁹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А.А. Ширинянца. М., 2018. С. 30.

¹⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 149–150.

¹¹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 55–56.

¹² Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. I. СПб., 1899. С. 72.

¹³ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 354.

¹⁴ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 168.

¹⁵ McKenzie D. Op. cit. P. 182.

результаты всей моей лично и вообще нашей деятельности в 1876 году: вместо спасения Сербии — её чуть не погубили, треть территории в руках неприятеля, истощение, разорение, посрамление, вместо “братолюбия чуть не братоненавидение”, ибо масса возвратившихся добровольцев разнесли по всей России такое презрение к сербам»¹⁶.

Выбирая между поселением в Киев и отъездом за границу¹⁷, Черняев предпочёл отправиться в поездку по Европе. В тех обстоятельствах это вполне устраивало и российские власти, желавшие, чтобы в обществе и в прессе поскорее утихли дебаты о сербской кампании. Сам же Черняев, отнюдь не обделённый честолюбием, напротив, хотел этим турне вновь привлечь к себе внимание, воспользовавшись повсеместным интересом в западноевропейских странах к событиям на Балканах. А поскольку приглашение было получено им из Англии, он рассчитывал и там стать «предметом больших оваций»¹⁸. Любопытно, что Аксакову, с которым генерал продолжал переписываться, данное путешествие казалось стяжанием пустых оваций и потехой для самолюбия¹⁹.

Поездка Черняева по Европе продолжалась с декабря 1876 по апрель 1877 г. Несмотря на то что он совершал её как частное лицо, не облечённое какими-либо официальными полномочиями, в том, как его встречали в различных государствах, отчётливо проявлялось отношение к «восточному вопросу» и активизации российской политики. Поездка Михаила Григорьевича довольно скупо освещалась его биографами и заслуживает самостоятельного анализа с учётом откликов, появлявшихся в местной прессе.

Наиболее резонансным оказалось пребывание Черняева в Австро-Венгрии. Именно туда он направился из Сербии, сделав остановки в Вене и Праге. Австро-Венгрия в то время являлась союзником России, хотя между империями имелись разногласия, и каждая из них намеревалась использовать борьбу на Балканах с пользой для себя. 3(15) января русский посол в Вене Е. П. Новиков и министр иностранных дел Франца-Иосифа гр. Д. Андраши подписали в Будапеште секретную военную конвенцию, согласно которой Австро-Венгрия обещала России в случае её войны с Турцией благожелательный нейтралитет в обмен на право оккупации Боснии и Герцеговины, отказ от создания на Балканах крупного славянского государства и т. п.²⁰

Многонациональное население Австро-Венгрии по-разному воспринимало начавшийся кризис, но её славянские народы, несомненно, симпатизировали сербам, и Черняев мог надеяться на радушный приём у чехов. 11 января 1877 г. в Праге его встречала многотысячная толпа²¹. Для генерала подготовили насыщенную программу на несколько дней: она включала встречи с местными политическими и общественными деятелями, церковные службы и даже специальный спектакль Национального театра. Однако выражение чехами славянской

---

¹⁶ Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 59. О переписке Черняева и Аксакова см.: Курдин Ю. А., Панов А. Р. «Что выгодно для России, то выгодно и для серба, и для болгарина, и для всего славянства». Сербско-турецкая кампания 1876 г. в освещении переписки М. Г. Черняева с И. С. Аксаковым // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 71. М., 2020. С. 271–282.

¹⁷ Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 354.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 61, 63.

²⁰ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 149–155.

²¹ Denni zpravy // Narodni Listy. 1877. № 11. 12 ledna. S. 2.

солидарности сразу обрело характер демонстрации против австро-венгерского господства. Так, например, наряду с выкриками «Долой турок!» и «Да здравствуют русские!», в Праге слышались и слова «Долой мадьяр!». Дабы пресечь подобные выступления, австрийцы фактически насильственно выдворили Черняева из страны, предписав ему немедленно покинуть город. К гостинице, где он остановился, стянули не только полицейских, но даже войска, сдерживавшие толпу, численность которой оценивалась в 8–10 тыс. человек²². Генерал отправил несколько телеграмм, пытался связаться с гр. Андраши, российским посольством в Вене и кн. Горчаковым, но в итоге ему пришлось подчиниться давлению и покинуть империю Габсбургов вечером 13 января.

Вместе с тем столь грубое решение неожиданно возникшей проблемы дало пищу для многочисленных газетных публикаций. Главный печатный орган младочехов «Narodni Listy» 15 января решительно возмущался действиями властей, описав произошедший скандал в статье «Австрийское гостеприимство». Черняева в газете назвали почётным гостем, дав весьма лестные характеристики ему и его кампании против Турции, а на гр. Андраши возлагалась ответственность за неподобающее обращение со столь видным представителем дружественной соседней страны, в котором усматривалось оскорбление славянских чувств, затрагивающее как Россию, так и чешскую нацию²³. С сожалением о нежелательных последствиях изгнания Черняева и впечатлении, произведённом этим в России, размышляли и в «Posel z Prahy»²⁴.

В немецкой прессе высказывались диаметрально противоположные мнения. К примеру, либеральная газета «Bohemia» связывала «высылку» (*Ausweisung*) Черняева с нейтральным положением Австро-Венгрии. Читателям напоминалось о дурной славе генерала, известного будто бы лишь своими отступлениями. Каких-либо претензий со стороны России автор заметки не ожидал²⁵. Венская «Neue Freie Presse» несколько раз возвращалась к пребыванию Черняева в Праге. Сначала в публикации, помещённой в разделе «Kleine Chronik», с иронией говорилось о том, как восторженно чехи принимали разбитого генерала²⁶. Однако уже на следующий день на первой полосе с возмущением, граничившем с истерией, гневно обвинялись чехи, игнорирующие интересы империи, и власти, допустившие в столице имперской провинции подобную акцию. В вину Черняеву ставились и действия, направленные против политики собственного правительства, и жертвы, вызванные войной. Он изображался «героем пера и меча», «сербским Уориком»²⁷ (видимо, имелась в виду попытка Черняева провозгласить сербского князя Милана королём, напомнившая австрийским публицистам о действиях английского «делателя королей»). В последующие дни тема вновь затрагивалась в газете в статье «Скандал Черняева в Праге» и в фельетоне «Венские прогулки»²⁸.

Официальных протестов со стороны России по поводу выдворения генерала не последовало. Более того, несколько месяцев спустя, протестив Михаила

²² Chyrynik // Narodnie Noviny. 1877. № 6. S. 3.

²³ Rakouske pohostinstvi // Narodni Listy. 1877. № 14. 15 ledna. S. 1.

²⁴ Čerňajev // Posel z Prahy. 1877. № 14. 15 ledna. S. 1.

²⁵ Politische Tageschronik // Bohemia. 1877. № 15. 15 Januar. S. 1.

²⁶ Kleine Chronik // Neue Freie Presse. 1877. № 4447. 13 Januar. Morgenblatt. S. 4–5.

²⁷ Neue Freie Presse. 1877. № 4448. 14 Januar. Morgenblatt. S. 1.

²⁸ Der Tschernajeff-Scandal in Prag // Neue Freie Presse. 1877. № 4449. 15 Januar. Morgenblatt. S. 2; Wiener Spaziergange // Ibid. № 4455. 21 Januar. Morgenblatt. S. 1.

Григорьевича, Александр II с укором сказал ему: «Ты меня чуть не поссорил с моим другом и соседом — австрийским императором»²⁹. Показательно, что в «Русском инвалиде», официальной газете Военного министерства, имя Черняева вообще не упоминалось ни в рубрике «Внешние известия», ни в «Общем обзоре важнейших политических событий», помещённом в первых номерах 1877 г. и содержавшем краткую характеристику борьбы на Балканах в 1876 г.

Другие издания отнеслись к пражскому инциденту более эмоционально. Влиятельные «Московские ведомости»³⁰ увидели в овациях, которыми генерала встретили чехи, «восторженные, безусловные изъявления сочувствия к России и сознания духовного и кровного родства с её народом». Неудивительно, что в редакции враждебно воспринимали противостоявший данному порыву «государственный механизм, при всех очевидных признаках его политического разложения, при не менее бросающихся в глаза признаках разложения финансового и экономического, это выродившееся, не имеющее ни твёрдого внутреннего сцепления, ни прочной точки опоры государство, именуемое Австро-Венгрией»³¹. М.Н. Каткова не пугала даже возможность столкновения с Веней: симпатии славянского мира казались ему гораздо важнее. Схожим образом описывала приём, устроенный «борцу за славянское дело» на чешской земле, и «Петербургская газета»³². Для либерального «Голоса», близкого к МИД и указывавшего на различия «между наносными фикциями и фантазиями новейших “славянофилов” и реальными задачами России в славянском деле»³³, Черняев во второй половине 1876 г. являлся одним из основных раздражителей. Поэтому 3 января 1877 г. газета сухо сообщила читателям: «По приглашению здешних властей генерал Черняев выехал из Праги. Последствием этого распоряжения было устройство народной сходки на Росмаркт, которая, впрочем, была рассеяна полицией»³⁴. Несколько дней спустя в ней отмечалось: «По поводу демонстрации, произведённой здесь во время пребывания генерала Черняева, начато следствие. Редактор “Народных листов”, Барам, арестован»³⁵.

Из Австро-Венгрии Черняев через Дрезден и Лейпциг³⁶ направился во Францию. Германская пресса внимательно отслеживала его перемещения. При этом её оценки в целом соответствовали позиции немецких газет Австро-Венгрии. Так, «Allgemeine Zeitung» в середине января 1877 г. почти ежедневно сообщала о Черняеве. Демонстрациям чехов её сотрудники сначала не придали особого значения, приняв их за ответ на предшествовавшие выступления

²⁹ Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания. С. 31.

³⁰ О роли газеты см., в частности: Круликова О.М. Газета М.Н. Каткова «Московские ведомости» (1863–1887 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 85.

³¹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877 год. М., 1898. С. 24, 26.

³² Новейшие известия // Петербургская газета. 1877. 4 января. С. 2.

³³ Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты «Голос». 1863–1877. СПб., 1878. С. XI. См. также: Волошина С.М. Власть и пресса: к вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Литературный факт. 2019. № 4(14). С. 255; Луночкин А.В. Газета «Голос» в общественном движении России 70 – начала 80-х гг. XIX в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 13.

³⁴ Телеграммы, доставленные Международным телеграфным агентством // Голос. 1877. 3 января. С. 2.

³⁵ Там же. 6 января. С. 4.

³⁶ Nachtrag // Leipziger Tageblatt. 1877. 17 Januar. S. 16.

венгерских студентов в поддержку Турции³⁷. 15 января издание, пока ещё без подробностей, разместило известие о высылке генерала, будто бы спровоцировавшего беспорядки³⁸. Наконец, 16 января на его страницах появилось внешне беспристрастное изложение хроники происходившего в Праге и развёрнутые комментарии, отражавшие мнение редакции. В них журналисты иронизировали над Черняевым и его поражениями в Сербии, неоднократно используя выражение «*komödienhafter Unfähigkeit*» (комедийная неспособность, беспомощность). Но их явно тревожило то, что даже разгромленный полководец сумел произвести столько шума. Рекомендую Австро-Венгрии руководствоваться энергичным призывом «*Principiis obsta*» (противодействуй в начале), газета заявляла: «Мы не поддерживаем полицейское государство; но в критический момент у государства либо есть свои полицейские силы, либо они вообще не нужны»³⁹. В том же духе высказалась и популярная немецкая газета «*Berliner Börsen-Zeitung*», в которой Черняев характеризовался как «беспокойный агитатор» и «обанкротившийся авантюрист», проявивший полную неспособность и не пользовавшийся уже поддержкой в России⁴⁰.

Тем временем 17 января Черняев уже был в Париже и, по выражению «*Le Petit Parisien*», репортёры следовали за ним по пятам⁴¹. Одна из наиболее влиятельных газет «*Journal des Débats Politiques et Littéraires*», имевшая консервативный оттенок, не скрывала сочувствия австро-венгерским властям, сумевшим с исключительной вежливостью предотвратить плачевные столкновения между немецким и чешским населением Праги, хотя перед ними находился человек, который «всегда вёл себя вопреки австро-венгерским интересам», своеобразный «странствующий революционер» и проповедник «международной революции», разжигавший национальные страсти. Автор статьи удивлялся популярности генерала, не умевшего ни вести войну, ни распоряжаться вверенными ему ресурсами, и недоумевал: «Неужели достаточно издавать шум, чтобы быть великим человеком, и иметь уверенность в себе, чтобы внушать доверие другим?»⁴². «*Le Figaro*», обратив внимание на пророссийские и антивенгерские возгласы пражан, усомнилась в существовании союза между Петербургом и Веной, о котором говорили дипломаты обеих стран⁴³. «*Le Temps*», стремительно набиравшая тогда популярность, достаточно обстоятельно и объективно представила скандал в Богемии, отрицала какую-либо вину самого Черняева и даже вступила по этому поводу в полемику с немецкими изданиями⁴⁴.

Конечной целью путешествия Черняева была Англия. Ход сербско-турецкой войны и развитие ситуации на Балканах вызывали там самый пристальный интерес и были напрямую связаны с борьбой консерваторов и либералов. Б. Дизраэли, возглавивший в 1874 г. правительство, отказался реагировать на сообщения о жестоком подавлении турками вспыхнувшего весной 1876 г. восстания болгар. Премьер-министр открыто сомневался в правдивости поступивших сведений, несмотря на волну выступлений с осуждением как турецких

³⁷ Österreichisch-ungarische Monarchie // Allgemeine Zeitung. 1877. 14 Januar. S. 5.

³⁸ Telegraphische Berichte // Allgemeine Zeitung. 1877. 15 Januar. S. 5.

³⁹ Österreichisch-ungarische Monarchie // Allgemeine Zeitung. 1877. 16 Januar. S. 5.

⁴⁰ Politische Nachrichten // Berliner Börsen-Zeitung. 1877. 17 Januar. S. 2.

⁴¹ Hier et aujourd'hui // Le Petit Parisien. 1877. 20 Janvier. P. 2.

⁴² Journal des Débats Politiques et Littéraires. 1877. 17 Janvier. P. 1.

⁴³ Paris au jour le jour // Le Figaro. 1877. 19 Janvier. P. 2.

⁴⁴ Lettres d'Allemagne // Le Temps. 1877. 19 Janvier. P. 2.

зверств, так и пассивности британской дипломатии. Либеральная оппозиция во главе с У. Гладстоном, изложившим свои мысли в брошюре «Болгарские ужасы и восточный вопрос», активно включилась в протестное движение. Она требовала, чтобы Великобритания отказалась от поддержки Османской империи и совместно со всей Европой добилась вывода турецкой администрации из Боснии, Герцеговины и Болгарии. Допускалось при этом и осторожное сближение с Россией⁴⁵. Сочувствие британских либералов к борьбе и поражению сербов⁴⁶ и стало основанием для приглашения Черняева. То, что генерал ни в коей мере не был связан с российским правительством и имел статус чуть ли не изгоя, препятствием не являлось. Он мог выступать перед публикой как герой, самоотверженно сражавшийся за справедливое дело и представлявший в Сербии не свою страну, а всех равнодушных людей, независимо от их национальности. Черняев прибыл в Великобританию 1 февраля и оставался там до 11 марта, поселившись на острове Уайт. В Лондоне 13 февраля полковник Мур дал в его честь обед, на котором среди гостей присутствовали бывшие члены правительства Гладстона Дж. Гошен и У. Форстер⁴⁷. Через несколько дней банкет в честь русского гостя состоялся и в Манчестере⁴⁸.

Британские газеты немало писали о визите Черняева и предшествовавших ему событиях. Рассказывая о пражских происшествиях со слов собственного корреспондента, «Times» признавали, что «издалека нелегко судить о том, насколько реальной была опасность нарушения общественного порядка»⁴⁹. 20 января в газете поместили интервью Черняева, данное «Courrier de France». При этом издание не стало комментировать довольно радикальные заявления Черняева о том, что он планировал сербскую войну с самого начала восстания в Герцеговине, объявил Милана королём с согласия славянских комитетов, а с помощью создания Сербского царства на Балканах рассчитывал вынудить Александра II дать конституцию своим подданным и тем самым добиться победы неофициальной России над официальной⁵⁰.

Близкая к правительству «Morning Post» 16 января 1877 г. выразила надежду на то, что «урок изгнания генерала не пропадёт даром для наших славянофильских политиков». Дело панславистов казалось автору полностью проигранным, поскольку Австро-Венгрия показала, что не собирается играть в «русскую игру», а Турция сумела доказать свою жизнеспособность, тогда как славяне и их русские покровители произвели «чрезвычайно дурное впечатление»⁵¹. 22 января, говоря об итогах Константинопольской конференции и приводя слова Черняева о том, что в начале марта он возобновит командование сербской армией, газета крайне низко оценила военные способности сербов и рекомендовала им воздержаться от продолжения борьбы во избежание неминуемого поражения. Особую опасность для балканских славян представляла, по мнению автора, Российская империя, которая «жалеет их не потому, что

---

⁴⁵ Гладстон У. Болгарские ужасы и восточный вопрос. СПб., 1876. С. 56, 58, 60. Подробнее см.: Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the precedent. Manchester, 2015. P. 153.

⁴⁶ Гладстон У. Указ. соч. С. 47–49.

⁴⁷ Home News // Paisley & Renfrewshire Gazette. 1877. 17 February. P. 2.

⁴⁸ Western Daily Press. 1877. 15 February. P. 6.

⁴⁹ General Tchernayeff // Times. 1877. 15 January. P. 5.

⁵⁰ Ibid. 20 January. P. 5.

⁵¹ Morning Post. 1877. 16 January. P. 4.

они угнетены, а потому, что не она их угнетатель»⁵². Но в целом, хотя восточный кризис затрагивался тогда почти в каждом номере, подробности пребывания Черняева в Англии «Morning Post» интересовали мало.

20 февраля 1877 г. лорд Дерби заявил перед парламентом, что сербская армия почти полностью состояла из русских добровольцев, и тем самым Россия фактически принимала участие в войне. Это вызвало гневную отповедь со стороны Черняева, который написал письмо редактору либеральной газеты «London Daily News»⁵³, приведя в нём собственные расчёты и утверждая, что «с начала войны и до заключения перемирия по всей Сербии находилось не более трёх тысяч русских добровольцев, включая офицеров и солдат»⁵⁴. Это обращение (направленное также в «Times») перепечатали многие газеты, причём не только лондонские: «Sheffield Daily Telegraph», «Maryport Advertiser», «Christchurch Times», «Burnley Gazette», «Exmouth Journal», «Glasgow Herald» и др.

Но, кроме этого письма, какими-либо значимыми выступлениями пребывания Черняева в Великобритании не ознаменовалось: о нём не вспоминали даже либеральные издания, хотя летом—осенью 1876 г. его имя не сходило с газетных полос. Нет никаких указаний на то, что он встречался с Гладстоном и другими лидерами либеральной партии. Очевидно, интерес к нему быстро угас. Когда он переехал из Великобритании во Францию, его имя попадало в прессу всё реже и реже. Скитаясь по Европе, генерал нигде не нашёл ни моральной, ни материальной поддержки. По мере приближения русско-турецкой войны таяли и его надежды на возвращение в Сербию: Милан ответил на его письмо, но не звал в Белград⁵⁵. Тем временем сложное положение, в котором оказалась его семья, убедительно подталкивало Михаила Григорьевича к примирению с правительством. В апреле 1877 г. он получил возможность вернуться в Россию.

Поездка М.Г. Черняева служила наглядной иллюстрацией того, как накануне войны 1877—1878 гг. в Европе воспринимали российскую активность на Балканах. С одной стороны, проправительственные издания различных стран практически единодушно представляли генерала возмутителем спокойствия и едва ли не революционером, и это так или иначе влияло на образ России и на оценку её стремления к изменению установившегося положения. Выпады против Черняева носили оттенок враждебности к славянскому движению и к России, которая, казалось, была готова его возглавить. С другой стороны, позитивное отношение к Михаилу Григорьевичу в либеральных кругах вовсе не свидетельствовало ещё о пророссийских симпатиях, поскольку он открыто обособился от официального Петербурга и действовал как оппозиционер. Между тем даже те, кто выражали сочувствие балканским славянам и выступали против Турции, отнюдь не обязательно становились друзьями России.

---

⁵² Ibid. 22 January. P. 4.

⁵³ В 1876 г. «London Daily News» первыми опубликовали сведения своего корреспондента об истинном положении дел в Болгарии (*Robinson J.R. Fifty years of Fleet street. L., 1904. P. 183*). К Черняеву редакция относилась благожелательно и даже дважды воспроизводила его заявления, согласно которым в Праге он «не сделал ничего, что могло бы привлечь внимание общественности, и не сказал ничего такого, что могло бы встревожить австрийское правительство» (London Daily News. 1877. 18 January. P. 4).

⁵⁴ *Tcherniaeff M. The Russians in the Servian Army // London Daily News. 1877. 24 February. P. 5.*

⁵⁵ *McKenzie D. Op. cit. P. 178.*